

902.7(с13)

1-33

ИЗДАНИЕ
С.В.Тригорова

Мемуары

ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА

Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии

Выпуск

Н. И. Лебедева

2-ой

НАРОДНЫЙ БЫТ

в ВЕРХОВЬЯХ ДЕСНЫ и в ВЕРХОВЬЯХ ОКИ

(Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-ом и 1926-ом годах).

Часть первая

НАРОДНЫЙ КОСТЮМ, ПРЯДЕКЪЕ и ТКАЧЕСТВО

171 рисунок в тексте

Mémoires

de la SECTION ETHNOGRAPHIQUE

de la Société des Amis des Sciences Naturelles, d' Anthropologie
et d' Ethnographie

Livraison

N. I. Lebedeva

2-ième

LA VIE POPULAIRE

AUX SOURCES DES RIVIÈRES DÈSNA ET OKA

(L'expédition ethnologique aux gouvernements de Briansk et de Kalouga en 1925 et 1926).

1-re Partie

Costume populaire, le filage et le tissage.

Avec 171 figures en texte

Москва

1927

Moscou

902.7 (с 13)
Л-33

Многочисленным
Сергею Павловичу Гришинову
и семье

Мемуары

ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА

Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии

902.7
Л33

Выпуск

Н. И. Лебедева

2-ой

НАРОДНЫЙ БЫТ

В ВЕРХОВЬЯХ ДЕСНЫ И В ВЕРХОВЬЯХ ОКИ

(Этнологическая экспедиция в Брянской и Калужской губерниях в 1925-ом и 1926-ом годах).

Часть первая
НАРОДНЫЙ КОСТЮМ, ПРЯДЕНЬЕ И ТКАЧЕСТВО

171 рисунок в тексте

Mémoires

de la SECTION ETHNOGRAPHIQUE

de la Société des Amis des Sciences Naturelles, d' Anthropologie et d' Ethnographie

Livraison

N. I. Lebedeva

2-ième

LA VIE POPULAIRE

AUX SOURCES DES RIVIÈRES DÈSNA ET OKA

(L'expédition ethnologique aux gouvernements de Briansk et de Kalouga en 1925 et 1926).

1-re Partie

Costume populaire, le filage et le tissage.

Avec 171 figures en texte

Российский Институт культурного
и народного наследия
БИБЛИОТЕКА

Москва

1927

Moscou

БИБЛИОТЕКА
И. М. С. / С. А.
И. № 2087

ПРОВЕРЕНА

Смоленск, Гостипогра-
фия имени Смирнова.
Зак. № 5657. Мосгублит
№ 44184. Тираж 1000 экз.

Напечатано по распоряжению Совета Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, состоящего при 1-м Московском Государственном Университете.

*Ученый Секретарь Общества
Вл. Богданов.*

*Москва,
4 мая 1927 года.*

Настоящий выпуск „Мемуаров“ отпечатан в количестве 1.000 экземпляров 25 сентября 1927 года.

В В Е Д Е Н И Е.

Настоящий труд является одним из неразрывных звеньев той этнологической работы, которая ведется в Москве по плану и под непосредственным руководством Вл. Вл. Богданова и сосредоточивается при его ближайшем участии в следующих учреждениях: в Этнографическом Отделе Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, в Этнологической Комиссии Московской Секции Государственной Академии Истории Материальной Культуры, в Центральном Музее Народоведения (бывшем Румянцевском Музее) и в Государственном Музее Центрально-Промышленной Области.

Основные нити этого плана проходят по территории центральных губерний Европейской части Союза, населенных по преимуществу разными этническими группами восточных славян, но в своих исторических судьбах имеющими связь с другими народами не славянского происхождения, отчасти же и сейчас отражающими на себе эти инородные соприкосновения. Вместе с тем В. В. Богдановым была поставлена и другая руководящая задача: обследовать не племя или особую этническую группу в целом, т.-е. например, не великоруссов или южно-великоруссов вообще, а обследовать этнические группы, замкнутые территориально в характерные этнические комплексы, хотя бы последние и не были однородными по происхождению и однотипными по своему настоящему этническому облику. Эта вторая задача, особенно настойчиво проводимая им в Музее Центрально-Промышленной Области, как задача областной этнологии, помогла мне глубже проникнуть в целый ряд этнологических деталей, которые, действительно, характерны в их областном, территориальном выявлении и которые в их этногенетическом значении не все определяются сейчас, а иные и вообще, вероятно, определятся не скоро.

Таким образом, моя работа примыкает по цели, по теме и задачам также к работам Б. А. Куфтина и других сотрудников Вл. Вл. Богданова, которые, будучи руководимы им, сделали уже очень много для этнологии центральных губерний.

Благодаря только что указанным руководящим задачам, я уверенно отправилась выполнять предложенный мне Вл. Вл. Богдановым план и маршрут работ по материальной культуре, отчасти и по духовной, среди населения верховьев Десны и верховьев Оки в Брянскую и Калужскую губернии. Этим работам я посвятила два лета: 1925 и 1926 года.

В обработке полученных результатов я, также следуя указаниям и советам Владимира Владимировича Богданова, решила дать объективное изложение мною виденного и обследованного, делая при этом лишь такие свои замечания, которые носят характер

невольных возникавших у меня сравнений по поводу тех или других аналогичных или отличающихся фактов, виденных и обследованных мною в других местах или узанных из научной литературы.

Отправляясь в Калужскую и Брянскую губернии, я шла прежде всего в так называемое „Полесье“.

Полесье Калужское и Полесье, известное в литературе под именем „Орловское“—и то и другое Полесье почти целиком вошли теперь во вновь образовавшуюся Брянскую губернию (не вошли: небольшая часть Калужской, юго-восточная, в районе с. Плахина, западная и северная часть Калужской губ., вошедшая во вновь образовавшийся Спас-Деменский уезд, Калужской губернии). Полесье по своему происхождению термин чисто географический, приуроченный к тем территориям, где пространство полей значительно меньше пространства лесов. По отношению к Брянской и Калужской губ. это будут лесные районы: 1) по Десне, Снопоти, Ветьме, 2) к северу от Жиздры, 3) по Десне, Навле, Нерусе, 4) к Карачевскому лесу по р. Рессете. „Полехи“—обыватели лесов. Термин, получивший в нашей литературе чисто этнологическое значение, как тип русского населения, встречаемый в полесьях. А раз так, то невольно являлась мысль: 1) какую территорию занимает эта этническая группа и 2) какими она обладает чертами, отличающими ее от остального населения. Ответ на первый вопрос в имеющейся литературе дается, исключительно, на основании данных местного самосознания и на свидетельстве соседей и, надо сказать, ответ неточный и разноречивый. По Орловской губернии (я беру старые административные деления, так как сведения относятся к 60, 70, 80 годам прошлого столетия) Пассек (Очерки России, IV, стр. 26) относит к Полесью Брянский и Трубчевский уезд. С. Максимов (Др. и Нов. Россия 1876, № 8 стр. 306) добавляет еще Севский уезд. Тарачков (Орл. губ. Ведом., 1859 г. № 11 и 1862 г. № 2) прибавляет к трем уездам, поименованным у Максимова,—Карачевский. Карпов (Журн. Имп. Моск. О-ва Сельского Хозяйства, стр. 626—7, приложение 1865, № 17) говорит о Полесье по левому берегу Десны и по правому на 25 верст в Рославльском у. после впадения р. Ветьмы—это район, называемый „Кривой Лес“. По Калужской губернии Попроцкий (в Материалах по статистике России Калуж. губ., стр. 8) относил Жиздринский, Козельский и Мосальский уезды к уездам Полесским, а в „Калужских губ. Вед.“ 1860 г. отнесен и Лихвинский уезд к Полесью. В „Живописной России“ (т. VII, стр. 294), к Полесью отнесены Жиздринский и Козельский уезды.

Все эти сведения, имеющиеся в литературе, очень неточны и суммарны. Совсем неясно, считать ли целый уезд Полесьем или его части. Напр., насчет Мосальского уезда у Зеленина (Описание рукописей Географ. О-ва, стр. 576) есть указание на деление его на два стана. В 1-м стане живут поляне, во 2-м полехи. Будде (Сбор. II Отд. Академии Наук, т. 76, стр. 85) относит с. Мокрое, Прилепы, Ревны, Верхополье, Орловской губернии к селам, заселенным полехами. Д. К. Зеленин проводит северную границу Полесья по линии Сухиничи—Дудино. Следовательно, является вопрос о принадлежности к Полесью не всего уезда, а его частей. Кроме того, не исключена возможность изменчивости их границы. Уже Зеленин отмечает в своей книге „Великорусские говоры“, что с вырубанием леса сокращалась площадь Полесья.

Раз неясны были границы Полесья, то при выборе маршрута пришлось брать район гораздо больший, чем очерченный район

по имеющимся сведениям, включив в него все уезды, которые так или иначе включались в Полесье. Получился очень большой район: уезды Лихвинский, Козельский, Жиздринский, Мосальский, Калужской губернии; Трубчевский, Брянский, Карачевский, Севский бывш. Орловской губернии и Рославльский уезд, Смоленской губернии. Не только неясны были границы Полесья, но еще более неясными были те объективные признаки, на основании которых отличают полехов от степняков, полян. Как такие признаки, указывали: 1) белые колпаки и белые зипуны (Орл. Губ. Вед. 1866 г. № 44, 1862 г. № 5); но они не были по литературным данным свойственны всем районам, приуроченным к Полесью, следовательно не могли быть чертой, выделяющей все Полесье, как одну этнографическую группу; 2) указывали на поневы и рогатые кички, но ведь эти элементы женского костюма, свойственные чуть не всем южно-великоруссам и в настоящее время; 3) указывали на курные избы, но курная изба является старой формой жилищ восточных славян, не только северно-великоруссов, южно-великоруссов, белоруссов, но и многих групп украинцев; наличие курных изб для восточных славян говорило скорее об отсталости района, а не об отдельной этнической группе и, наконец; 4) как на общую черту, свойственную „полехам“, указывали на некультурность, „серость“, как говорят местные жители, черту, свойственную медвежьим углам. С характерной консервативностью и отсталостью полехов нельзя не соглашаться. Леса и болота, укрывавшие жителей в течение многих столетий от городских влияний, воспитали население, поражающее наблюдателя архаичностью своего быта. Здесь для этнолога богатая жатва. Но всякий согласится, что эта черта может быть характерна для какой угодно этнической группы, живущей в одинаковых условиях, будет говорить о степени культурности группы, но, во всяком случае, не может явиться этническим признаком; таким по существу важным для этнолога явится вопрос: почему отдельные районы наиболее хорошо сохраняют особенности быта, а другие нивелируются весьма скоро.

Здесь мы сталкиваемся с интересной проблемой, выдвигаемой в связи с наблюдениями на ряде территорий: там, где происходит культурный стык отдельных этнических групп, там наиболее хорошо выделяются их особенности—это мы видим на севере Рязанской губ. на верховьях Днепра, на нашем Кавказе, в Сибири на Енисее и на Дальнем Востоке. Поэтому о Брянском и Калужском Полесье мы скоро можем говорить не как о каком-либо этническом типе, а как об этническом районе, на котором можно ставить вопрос о взаимоотношениях этнических групп и о причинах консервативности населения. Какие же этнические группы сталкивались на этой территории, каким культурным влияниям она подвергалась. Этнологи этим вопросом занимались мало, да и этнологически эти губернии были мало изучены.

По этому району имелись следующие работы:

1. Д. О. Святский.—Материалы по Севскому уезду (Жив. Стар. 1910, № 1).
2. Н. М. Могилянский.—Поездка по Тульской и Орловской губ. (Материалы по этнографии России, т. 1). Интересующей меня области касается лишь вскользь, говоря о Брянском уезде.
3. Д. К. Зеленин.—Описание рукописей архива Русского Географического Общества. Материал особенно интересный по Трубчевскому уезду. Ценна рукопись Сполохова, но это, пожалуй,

одна жемчужина среди массы разрозненного неточного материала.

4. Ответы на анкету В. Ф. Миллера (Архив Общества Л. Е., А. и Э.); имеются отрывочные сведения, мало коснувшиеся наиболее глухих частей территории.

5. В. Ф. Миллер. — Систематическое описание коллекций Дашковского Этнографического Музея.

6. М. Е. Шереметева. — Гамаюнщина. Костюм. Калуга 1926 (Работа вышедшая уже после моего изучения этого района).

7. Е. Н. Елеонская. — Женский костюм в пригородных деревнях, (г. Козельска. Этно. Обзор. 1908 № 3).

8. Несколько статей в „памятных книжках“ и „губернских ведомостях“.

Вот весь материал, которым можно было располагать при изучении нашего Полесья. Материал разрозненный, отрывочный наводящий чаще на мысли, на вопросы, чем дающий ответы. Главный недостаток всего имеющегося материала — отсутствие в нем точных описаний, точных классифицирующих признаков и отсутствие границ распространения этнических явлений (исключение составляет статья Д. О. Святского).

Несколько, казалось, лучше обстояло дело с музейными коллекциями. Здесь ведь материал говорит сам за себя. Но и тут отсутствие точных легенд, даже иногда и датировок в смысле указания места происхождения вещи, тормозили понимание намеченного к изучению района. Кроме того, музейные коллекции не захватывали всех районов. Коллекции Румянцовского музея выявили северные уезды Калужской губернии, Боровской, Мосальский, частично Перемышльский, Козельский, ничего не имея ни по Жиздринскому уезду, ни по Брянской губернии. Коллекции Русского Музея (с ними я познакомилась после своих работ по Калужской и Брянской губ.) правда, хорошо выявляют Севский уезд, частично Жиздринский, Бежецкий, а также Трубчевскую волость, Почепского у., но материал не весь датирован и к нему нет точных легенд. Весь имеющийся материал говорил о разнообразии районов в намеченной к изучению территории, говорил о своеобразных группах населения в Севском уезде, в западной части Жиздринского уезда, намечал ряд элементов одежды, очень близких к элементу одежд Рязанской и Тульской губ., но сведений о границах распространения отдельных явлений, о полных комплексах этих явлений, об условиях их бытования нам не давал.

Несколько не больше дают нам материалы археологические, несмотря на то, что по реке Жиздре, Снопоти, Вытебети, Ветьме, Десне, Навле мы встречаем целые вереницы курганов, десятки городищ, однако, весь этот материал лежит под спудом, и в наших музейных коллекциях мы почти не встречаем материалов из раскопок. Известные раскопки Булычева по Угре дают очень суммарный материал, указывая на перекрестные элементы лишь „Вятической“ и „Кривической“ культур. Материалы раскопок по Навле у с. Глинного указывают лишь на элементы общие, с „Северянскими“ курганами. Небольшие коллекции, собранные Брянским музеем по славянским культурам, дают некоторые сведения о древних обывателях реки Ветьмы и Болвы, мы там находим целый ряд вещей, общих с вещами Смоленских кривичей.

Несколько определеннее ставятся научные проблемы по материалам историческим и лингвистическим. Древними обывателями

изученной территории историки считают Финнов и Литовцев, основывая свои предположения, главным образом, на названии рек и урочищ. В эпоху славянской колонизации изученная территория явилась культурным стыком трех славянских групп: северян, вятичей, кривичей. Река Брынь, приток Болвы, Брынские леса служили рубежом между Смоленскими кривичами и вятичами. Десна, в районе современного Брянска, Болдыж-лес низ по Десне, по левому берегу и по реке Неруссе, служили раздельною полосой между северянами и вятичами (см. Любавский, Историч. География, стр. 56 и 75).

Население этого района держалось, главным образом, по р. Десне и по верховьям Оки. Наибольший прилив населения был в эпоху нашествия татар. Глухой, болотистый край дает приют степнякам. Середонин указывает на движение северян по Десне, Угре и даже в Ростово-Суздальскую землю.

В эпоху удельной Руси изученная территория входит своими восточными частями в Ростово-Суздальскую землю, своими западными и северными частями в Смоленскую область, на верховьях Болвы и Десны мы встречаем в то время южные пограничные пункты Смоленского княжества.

Южные части изученной территории тяготеют к Черниговскому княжеству. Город Брянск в XIII веке является лучшим городом Черниговской области. С XV века весь край попадает в состав Литовского государства, а в XVI веке мы его видим уже в составе Московского государства, так что этот край в сравнении с берегами верхнего Днепра, испытал меньшее влияние Литовского государства, во-первых, потому, что по времени он недолго был под властью, Литвы и, во-вторых, как наиболее отдаленная от Литвы окраина, мало соприкасался с Литвой. Здесь мы не встречаем и литовских помещиков. Наш край был настолько далек и забыт, что жил собственной жизнью и мало впитывал в себя элементы литовской культуры XV и XVI вв. Итак, исторические сведения нам говорят о старых финских и литовских слоях, о стыке трех славянских культурных групп и о различных политических судьбах отдельных районов. Правда, принадлежность к той или другой политической территории не всегда может говорить о культурном влиянии политического центра. Но географическое положение этих районов дает возможность говорить о тех культурных влияниях, которые могли проникать к ним. Верховья Болвы и Угры, связывающие бассейн Днепра и Оки, открывали сначала широкий путь для культурных влияний, шедших из Византии, но для нашей территории эта эпоха—эпоха до татарского нашествия—менее существенна, тем более, что в это время край был мало населен. Наиболее сильные культурные влияния на нашей территории связываются с бассейном Оки, где эти влияния стояли в связи с расцветом культуры древних болгар. Третье культурное влияние, возможное для нашей области могло, направляться сюда из Смоленской области, а именно через Великий Новгород, отсюда через Смоленск могли идти культурные влияния из Скандинавии и Западной Европы.

На основании лингвистических данных изученная территория вызывает ряд недоумений и сомнений. Одни лингвисты ставят вопрос о том, является ли великоруссами или южно-великоруссами население этой территории. Одни из них границу между названными группами восточных славян проводят по реке Болве (см. Диалектологическую карту, составленную Дурново, Ушаковым и Соколовым); другие же из них, признавая ряд белорусских черт в говорах Калуж-

ской и Орловской губерний, проводят границу по реке Десне (см. Карский.—Белоруссы). Другая же группа лингвистов ставит вопрос о так называемых переходных говорах, считая возможным проводить точные границы для отдельных групп восточных славян лишь там, где они столкнулись не ранее XVII века. В тех же местах, где население с отдаленных времен живет по соседству, там точных границ не существует, и население представляет из себя мало заметный переход от одной группы к другой (см. ак. А. И. Соболевский, Русский народ как этнографическое целое. Харьков, стр. 11—12) и к такой широкой переходной полосе относят западную часть Калужской и Брянской губ. На карте, составленной Д. К. Зелениным, эта переходная полоса идет от г. Калуги к западу от Оки, захватывает бассейн Жиздры и Вытебети, реку Болву и заходит несколько к западу за Десну; южная ее граница проходит немного севернее Брянска, идет по Десне к Трубчевску (см. Zelenin: Ostslavishe Volkskunde). Кроме отношений белорусских и южно-великорусских, ставится лингвистами вопрос относительно южных частей изучаемой территории, именно, возможности там общих черт с украинцами и указывается на возможность северной колонизации, растворившейся в общей массе южно-великоруссов (Е. Ф. Будде О говорах Тульской и Орловской губ. 1904 г. СПб. ст. 11). Итак, все имеющиеся материалы—исторические, археологические и лингвистические—ставят ряд еще далеко не разрешенных вопросов: во-первых, является ли население изученной территории южно-великоруссами или белоруссами; во-вторых—где проходят границы между этими двумя группами восточных славян; в третьих, есть ли возможность выделить отдельные группы населения, связанные с отдельными группами славянской колонизации, с отдельными политическими судьбами отдельных районов и с отдельными культурными влияниями.

Таким образом, немногие археологические, исторические, лингвистические и этнологические материалы намечали ряд важных и интересных проблем в Полесье. Полесье, сохранившее архаические черты быта, обещало дать богатый материал. Собрать этот материал и было поставлено мне задачей В. В. Богдановым, инициатором и руководителем этой работы, указавшим мне этот район, как наиболее ценный и интересный для этнологических работ, стоявших, к тому-же, в связи с теми работами, которые были проведены Б. А. Куфтиным, также по плану, разработанному и указанному ему В. В. Богдановым в Рязанском Полесье. За данный мне план и за все указания я приношу самую горячую благодарность Вл. Вл-ровичу. Кроме того, я многим обязана Обществу Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, снабдившему меня своими командировочными удостоверениями и решившему напечатать мою работу, Центральному Музею Народоведения и Государственному Музею Центрально-Промышленной Области.

Охватить весь район я не могла за неимением времени и сил, поэтому я выбрала отдельные районы, отдельные группы населения, чтобы яснее в будущем можно было ставить уже чисто этнологические проблемы, в связи с этническими чертами населения очерченной территории, и по этим контурам могло-бы пойти краеведное изучение каждой деревни, каждого уголка. Мое изучение района распалось на два момента: 1) рекогносцировка—сбор сведений на базарах, у местной интеллигенции, у жителей того или другого села—относительно соседних сел; 2) стационарное изучение быта в отдельных пунктах, при чем путем расспросов или на осно-

(des. 110 A, 110 B), ou au moyen de l'ourdissage sur le mur. Outre les ceintures d'homme en courroie, il y en a qui sont tressées de fils et d'autres tissées et munies d'ornement en peles fines (tissage sur les planchettes) (des. 111). L'ornement en perles fines de la ceinture se développe parallèlement au „pozatilnik“ de perles fines. On porte à la ceinture: les couteaux, „machonki“ (sac en cuir, des. 192), „kality“ (aussi sac en cuir), „kressale“ (le briquet).

Chapitre XI. Vêtements qu'on porte pardessus les autres.

La coupe de cette espèce de vêtement d'homme diffère peu de celle des femmes. Il existe deux façons de coupe: coupe à chateaux obliques et coupe droite (des. 113, 114). D'après la seconde coupe on fait le „korotik“, qui est blanc ou brun. Les „korotik“ blancs ou „zipoune“ sont répandus sur un grand territoire et ne sont pas uniquement des vêtements privilégiés des habitants de la Russie-Blanche. Un vêtement sans manches „bezroukavka“ ressemble par sa coupe au „zipoune“ à deux chateaux (des. 115, 116). Les vêtements de coupe droite sont des vêtements de voyage chez les grand-russiens du nord et du sud et des vêtements de sortie chez les habitants de la Russie-Blanche et de l'Oukraine. Ces vêtements sont cousus par des tailleurs ambulants.

Chapitre XII. Le total des éléments du costume au rayon exploré.

Le costume qui a une longue histoire compliquée présente de même que l'histoire du peuple une série de couches et de variations et même ses éléments pris séparément reflètent en eux la réunion de différentes époques. Il serait indispensable de dater les époques de ces éléments on obtiendrait alors un tableau magnifique de la culture du peuple du rayon étudié et en comparant ces couches historiques avec celles des autres territoires nous aurions pu fixer certaines bases de la culture. Mais pour dater ces éléments on manque de matériel, vu que beaucoup de territoires importante ne sont pas explorés dans la mesure due. C'est encore le professeur Anoutchine, qui a remarqué que les grand-russiens ne peuvent pas être caractérisés en masse, parce qu'il n'ont pas de type commun, mais ils présentent une complexité compliquée d'éléments slaves et d'autres qui ne le sont pas. La même chose peut être dite des habitants de la Russie-Blanche, de l'Oukraine et d'autres peuples slaves. L'ethnologie a encore devant elle un grand travail et premièrement celui de réunir les archaïsmes de la culture, encore assez nombreux chez les slaves de l'Orient. Ici on est obligé de faire attention à des phénomènes comme le sont toutes sortes de procédés de production et le lieu de l'objet ou de la forme avec le culte et la cérémonie. Depuis le commencement des réformes de Pierre (XVIII S.) le village russe s'est brusquement éloigné de la ville; ce fait a contribué à sa conservation, qui y a été légèrement ébranlée par les événements, tel que l'émancipation des serfs, la révolution de 1905, 1917, 1918 ans. Outre cela il n'est pas important qu'un phénomène soit largement ou peu répandu. Parfois un objet ou un phénomène unique nous content plus de l'antiquité que les objets et les phénomènes modernes répandus, on a pu s'en assurer en rassemblant le matériel.

En faisant le total de ce qui a été exploré en 1925, 1926 à les sources de la Desna et de la Oka, on peut fixer certains aspects du rayon étudié. On peut distinguer plusieurs groupes d'après les éléments du costume local.

Le I. groupe possède les traits caractéristiques de tous les grands russiens du sud. On y trouve: la chemise à „poliki“ obliques, „paniova“, à trois lés, attachés par un „gachninik“, tablier en forme de tunique— „pierendnik“— „zapan“, ornements de tête en forme de cornes, le „pozatilnik“ en perles fines, coliers en perles fines, „pouchky“ pour les oreilles, les ceintures d'hommes à pendeloques en perles fines. Chemise— „kossovorotka“ (elle est portée par les grand-russiens du nord), broderie à la soie, le procédé du tissage, appelé „zakladnoie“. On est obligé de chercher les éléments analogiques de costume non à l'est, mais parmi les finlandais et les „turki“ du bord de Volga, dans la Mechtchera du gouvernement de Penza et Saratov. Ces éléments donnent, sans contredit au rayon étudié un aspect de la Grande-Russie.

II. groupe a des éléments caractéristiques communs avec ceux des habitants de la Russie-Blanche d'aujourd'hui. Ces éléments sont: sarafane à corsage, „zipoune“ blanc, „valionki“ blanches, ornements de tête de jeune fille faits en tulle, les tilles et les reseaux, des ornements de tête des femmes. Le sarafane à corsage est assigné en un sous-groupe particulier, qui est caractéristique spécialement pour les habitants de la Russie-Blanche depuis le moment, où ils ont formé une nationalité, les autres éléments, plus archaïques sont d'usage chez d'autres nationalités et non seulement chez les habitants de la Russie-Blanche.

III. groupe d'éléments de costume se distingue par des traits communs avec les lithuaniens. Chaussures en tulle „ratchky“ et les „abor“ en laine. Il est impossible de résoudre la question si c'est une preuve de la présence des lithuaniens sur ce territoire ou si c'est un trait plus archaïque.

IV. groupe se distingue par des éléments communs à ceux des grand-russien du centre et en partie avec les groupes ethniques de la Grande-Russie du nord. C'est le sarafane à chateaux obliques.

V. groupe a une série de traits communs avec les habitants de l'Oukraine d'aujourd'hui: „paniova—kolychki“, chemise à „poliki“ rectangulaires cousus à la base, avec des manches d'un lé uni.

VI. groupe se distingue par les éléments, qui sont propres non seulement aux slaves de l'orient, mais aussi à ceux du sud et de l'est: c'est à dire: l'ornement de tête „polotientze“, porté sans „kitchka“ dure, usage d'envelopper les jambes et les pieds nus (non chaussés de „lapti“) en des „onoutchi“ et des „abor“ en courroie; le „zipoune“ à chateaux obliques.

Ainsi en prenant pour base le gouvernement donné, le rayon étudié peut être divisé en sous-rayons suivants:

I. sous-rayon: les districts de Kalouga, Kozelsk, Lichvine, ou les traits des grands-russiens du sud sont mêlés à ceux des grands-russiens du centre.

II. sous-rayon: Poliessié, partagé en trois groupes du type de la Grande-Russie du sud avec sous-couche, proche aux groupes, qui ont formé la Russie-Blanche d'aujourd'hui et avec une couche lithuanique.

III. sous-rayon. La partie d'ouest du rayon, qui possède outre les traits indiqués pour le II. sous-rayon, les traits des populations plus modernes de la Russie-Blanche. La population elle-même notant les traits caractéristiques du costume des moeurs de ses voisins partage, pour ainsi dire, le territoire étudié en des rayons spéciaux de moeurs. On a recueilli ce matériel, quoiqu'il n'est pas d'importance d'une classification scientifique. Néanmoins il est important de le prendre, en considération en certaines circonstances et il est donné en forme de révision dans le chapitre suivant, où l'on donne la description du rayon et du caractère des costumes.

Toutes les collections, mentionnées dans cet ouvrage sont rassemblées et conservées.

Chapitre XIII. Le territoire exploré divisé en rayons par la population elle même suivant le caractère des costumes.

1. Gamayunchtchina (17 villages).
2. Le village Nikolskoïé et d'autres en tout 16 campagnes.
3. " " Makarovo et les autres en tout 7 campagnes.
4. " " Roussanovo (le rayon Zassiptschino) et les autres en tout 8 campagnes.
5. Le village Bieriozovo et les autres, en tout 10 campagnes.
6. La campagne Dechevki en tout 3 campagnes.
7. " " Boulatovo.
8. " " Volossovo—Doudino et les autres, en tout 13 campagnes.
9. Le village Kzyni en tout 13 campagnes.
10. Le canton („volost“) ex-Boianovskaya—le village Boianovitchi et les autres, en tout 6 campagnes („Polehi“).
11. Le village Novoyé et les autres, en tout 6 campagnes.
12. Chtchepieliovchtchina („barchtchina“—du propriété de Chtchepe-liov) la campagne Bokieievka et les autres, en tout 6 campagnes.
13. Le canton („volost“) ex-Boutchinskaya (Polehi). Le village Boutchino et les autres, en tout 5 campagnes.
14. La campagne Soudovichtché et les autres, en tout 6 campagnes.
15. La campagne Ossavik est les autres, en tout 20 campagnes.
16. " " Saligne " " 10 "
17. " " Grabowka " " 20 "
18. " " Sosnovoïe Boloto " " 6 "
19. Le rayon „Briussovchtchina“ (le propriétaire Briussov); le village Alechinki et les autres, en tout 4 campagnes.
20. La campagne Biakovo et les autres, en tout 10 campagnes.
21. La campagne Roujnoïé et les autres, en tout 9 campagnes (Poléhi).
22. Le rayon Apraksinsky (d'après le nom du propriétaire) le village Glinnoïé et les autres, en tout 6 camp. (Poléhi).
23. „Zadessegné“ (et la rivière Desna): le village Outi et les autres, en tout 28 campagnes.

TABLE DES FIGURES.

1. La coupe de la chemise de femme. Nikolskoïe.
2. La chemise de femme vue de face. Boianovitchi.
- 2-a. La même chemise, vue du dos.
3. La coupe du „poliki“ (des. N 2).
4. Le devant de la chemise de femme. Litóvnikî.
5. La coupe de la chemise de femme. Aliekseiévka.
6. La chemise de femme vue de face. Diechóvki.
- 6-a. La même chemise, vue du dos.
7. Le schème de la coupe de la manche et du „poliki“, „zamkom“
Zamóchié:
8. La chemisette. Novossiolkî.
9. Le schème de la coupe des manches découpées. Boianovitchi.
10. Le dessein „kriouki“ pour la chemise (des. 5).
11. Le dessein „kosiaki“ pour la même chemise.
12. Le dessein „krougui“ mis sur le métier à tisser Chtcherbaki.
13. La macque—Novoïe.
14. „Prialitza“, pour le fuseau.
15. Le schème de l'ourdissage sur le mur. Jouravki.
16. Le chaîne ôtée des pieux.
17. Le schème de l'apprêtage du „nitte“, I moment.
18. Le même schème, II moment.
19. La nacelle à tisser l'étouperie. Nikolskoïé.
- 19-a. Le type ancien de la nacelle à tisser la toile de lin.
20. La „paniova“. Boianovitchi.
21. Le schème du tissage des ceintures sur le „nitte“ (на нити)
Roussanovo.
22. Le dessin „glaziki“ à la ceinture. Roussanovo.
23. Le dessin „paltzy“ à la ceinture. Krasnyi Klin.
24. Le dessin „grebionotchka“ à la ceinture de la „paniova“ Vassilievskoïé.
25. Le dessin „klinouchki“ à la ceinture de la „paniova“ Bieriezitchi.
26. Le dessin „kossiaki“ à la ceinture de la „paniova“ Nijnié Pyski.
27. Le dessin „rojki“.
28. Jelizaviéta Siniakova, âgée de 63 ans en „paniova“. Osavik.
29. Le tiraillement de la chevêlière, de la ceinture, des rubans („abor“) au moyen des doigts—Frolovo.
30. Le tissage de la ceinture à l'aide de planchettes. Boianovitchi.
31. Le moyen de plier la „paniova“ lorsqu'on la porte rétroussée („podtykamchi“). Diechovka.
32. La „paniova“ ancienne, avec un lé non cousu et avec une insertion (de face).
- 32-a. La même „paniova“ à l'envers.
33. Daria Chmarzova, âgée de 50 ans en „paniova“—„kolychki“ en profil droit. Riabtchevsk.
34. La même en profil gauche.

35. La coupe du „sarafane“ à chateaux obliques. Jivotinkino.
36. Anastasiia Jouravliova, âgée de 62 ans en sarafane à chateaux obliques. Jivotinkino.
37. Mariia Goussieva et Dariia Nazarova, jeunes filles de 20 ans en sarafanes-chubka. Jivotinkino.
38. La coupe du sarafane avec un corsage. Siemieriovo.
39. La coupe du „chouchpane“, Sloboda.
40. La coupe de „kastalane“. Bokieievka.
41. La coupe du plastron, fait de cinq lés. Bokieievka.
42. Le schème de l'apprêtage de „bakhmara“ (la franche) pour le „kastalane“. Bokieievka.
43. Deux paysannes Zorioukovy, l'une mariée, en „paniova, l'autre jeune fille, sans „paniova“, toutes les deux en „kastalanes“. Bokieievka.
- 44-a. Le schème de la coupe des lés du plastron „po topornomou“ Bieriozovo.
- 44-b. Le même plastron, appelé „sarakhvàn“, vu de face.
- 44-b. Le même plastron vu du dos.
- 45-a. La coupe du plastron „tchouproune“ vu de face. Roussanovo.
- 45-b. La même „tchouproune“ vu du dos.
46. La coupe du tablier „chouchmane“. Pienievitchi.
47. La coupe du „zapane“—vu du dos (à gauche), de face (à droite). Boianovitchi.
48. La coupe du „zapane“ avec des manches.
49. Natalia Arhipkina, âgée de 28 ans en „zapane“ avec des manches. Boniatino.
50. Les paysannes Zorioukovy vue de face en „zapane“ sans manches (du côté gauche) et avec des manches (du côté droit).
51. Les mêmes paysannes, vue du dos.
52. Le dessin „krougui“ sur la „zanavieska“ fait à la manière de la broderie découpée. Diechovki.
53. Les dessins „rogoulki“, „babotchki“ et „krougui o tchetyriokh palzakh“ sur la „zanavieska“ faite à la manière de la broderie découpée. Roussanovo.
54. „Kosnik“ (nanka). Boianovitchi.
55. Le dessin „kriutchki“ pour le „polotienze“ (l'essuie-main).
56. Nalobieni—ornement de tête de jeune filles. Pienievitchi.
57. „Vienok“, (la couronne de fleurs)—l'ornement de tête de jeunes filles. Riekovitchi.
58. Daria Nazarova et Mariia Goussieva—jeunes filles de 20 ans en „tchekhry“. Jivotinkino.
59. La paysanne Sazonova, âgée de 35 ans en coiffure de femme et portant la „kitchka“. Vierkhniie Padierki.
- 60-a, б. L'ornement de tête de femme composé du „polotientze“ (l'essuie-main) et la manière de le mettre—vue de face et du dos. Plastovoie.
61. L'ornement de tête—„ouviaska“: la manière de le mettre—vue de face et du dos. Roujnoie.
- 62-a. „Kitchka“—(la partie indérieure de l'ornement de tête appelé „privieska“). Boianovitchi.
- 62-b¹, б². „Prieveska“: б¹—vue de face, б²—vue du dos. Boianovitchi.
63. Ouliana Ralova, âgée de 64 ans en „kosinka“ et en „chirinka“. Boianovitchi.
- 64-a. „Kitchka“—comme partie de l'ornement de tête de femme.
- 64-b¹, б². „Prieveska“—comme partie de l'ornement de tête, б¹—vue de face, б²—vue du dos. Boianovitchi.

64-в. „Pozatilnik“ — une partie de l'ornement de tête de femme Boianovitchi.

64-г. Arina Mandrousova âgée de 28 ans en „privieska“—ornement de tête en son complet. Boianovitchi.

65-а. „Kitchka“ comme partie de l'ornement de tête „soroka“. Pienivitchi.

65б¹, б². „Soroka“—comme partie de l'ornement de tête „soroka“ (en son complet): б¹—vue de face, б²—vue du dos. Pienivitchi.

66-а¹, а². „Kitchka“ comme partie de l'ornement de tête „privieska“, а¹—vue de face, а²—vue du dos. Zimnity.

66-б. „Pozatilnik“—une partie de l'ornement de tête „privieska“. Zimnity.

66-в¹, в². „Privieska“—(elle même) partie supérieure de l'ornement de tête entier, appelé „privieska“: в¹—vue de face, в²—vue du dos. Zimnity.

67-а. Le dessin „dieviati glazkov“ pour le front de „privieska“. Zimnity.

67-б. Le dessin „miedviejii glazki“ pour le front de „privieska“. Zimnity.

68. Le dessin „kriutchki“ pour le front de „privieska“. Zimnity.

69. Le dessin „griebiechki“ pour le front de „privieska“. Zimnity.

70. Le dessin „koliossiki“ pour le front de „privieska“. Zimnity.

71. Tatiiana Arkhipkina, âgée de 25 ans en „kitchka“ „pozatilnik“. Zimnity.

72. La paysanne Sazonova, âgée de 35 ans en „kitchka“, „pozatilnik“ et „privieska“ Vierkhniie Padiarki.

73. Tatiiana Arkhipkina, âgée de 25 ans et Solomonida Filatova de 60 ans en complets ornements de tête „privieski“ avec des chales; la première comme étant jeune porte aux temps—„kitchki“ et „rasnizki“. Zimnity.

74 А. „Kitchka“ comme partie d'ornement de tête complet „kitchka“. Aliexséievka.

74 Б. „Privieski“—comme partie du même ornement de tête „kitchka“.

74 В. „Podnizi“ (=„pozatylnik“) une partie du même ornement de tête „kitchka“ en son complet.

75 а, б. La manière de mettre le même ornement de tête „kitchka“, а—vue de face, б—vue du dos.

75, I а, б. „Makhriionka“ comme partie de l'ornement de tête „makhriionka“ en son complet: а—vue de face, б—vue du dos.

75, II а, б. „Kossitzy“ et „pavliny“ pour le même ornement de tête „makhriionka“.

76. Fienia Popova, âgée de 27 ans en ornement „golovnoié“. Salyni.

77. Jelizavieta Siniakova, âgée de 60 ans en ornement de tête „privieska“. Osavik.

78. La manière de mettre l'ornement de tête „soroka“ en son complet—vue de face et du dos. Sviatoié.

79. La manière de mettre l'ornement de tête „soroka“ en son complet,—vue de face et du dos. Novoyi Svet.

80. „Kitchka“—comme partie d'ornement de tête „poziavnik“ en son complet. Outy.

81. „Kokochnik“—une partie du même ornement de tête.

82. La manière de mettre l'ornement de tête „poziavnik“ en son complet,—vue de face et du dos. Outy.

83. „Kitchka“—comme partie d'ornement de tête „kitchka“ en son complet. Jivotinkino.

84. „Kitchka“,—comme partie d'ornement de tête „kitchka“ en son complet. Novoie Sielo.

85 a—e. Les parties d'ornement de tête „privieska“ en complet: a—„kitchka“, б—„pozoumient“, в—„koudri“, г—„soroka“ (vue du dos, д—„pozatilnik“, e¹—„privieska“ (vue du dos) e²—„privieska“ (vue de face). Novosiolki.

86. Tatiiana Kriestovozdvijenskaia en „kitchka“. Vierby.

87 а, б, в, г. Les parties d'ornement de tête „kotielki“ en complet: а—„vierchovka“, б—„kotielka“, в—„pozatilnik“, г—„stioganiétz“. Soudovichtche.

87 д и е. „Privieski“—vues de face et du dos, appartenantes au même ornement de tête.

88. Le même ornement de tête „privieski“—la manière de mettre.

89. Fiokla Ivanovna Martynova, âgée de 40 ans en ornement de tête „obouza“. Grabovka.

90. Proskoviia Rievenkova de 25 ans (à gauche) et Natalia Titorenkova de 30 ans en „kotelki“, la seconde est couverte d'un chale. Glinnoié.

91. Trois paysannes en ornements de tête „kotelki“—vue de face et du dos. Sytiónki.

92. L'ornement de tête „povóinik“, ses parties: а—„kalattchik“, б—„pozatilnik“, в¹—„povoinik“—vue de face, в²—vue du dos. Podboujié.

93. L'ornement de la poitrine—„boroda“. Podboujié.

94. Martha Khrytchova et Martha Prokopotchkina, âgées de 14 ans en ornements de perles fines: „boroda“, tchepki“. Podboujié.

95. L'ornement de la poitrine „tchepki“ (цепочки). Boianovitchi.

96. L'ornement de la poitrine „boussy“ (бусы) de perles fines Bieriezitchi.

97. L'ornement „pouchki“ fait du duvet d'oie avec „podnizi“ de perles fines. Podboujié.

98 а. Les chaussures de tulle („lapti“) „chtcherbaki“: а¹—vues d'en haut, а²—vues de la semelle,—du gouvernement de Gomel.

98 б. Les chaussures de tulle „ratchki“. Sviatoié.

99. Les chaussures de tulle „moskovskié“ aux „abor“ de cuir: а—„golvka“, б—„zadok“, в—„ouviazka“. Boianovitchi.

100. Les chaussures de tulle „moskovskiié“ de fête avec des „golvki“ peints. Podboujié.

101. Les chaussures de tulle des type „bakhily“ du village Byki du gouvernement de Smolensk.

102. La chemise d'homme: а—vue de face, б—vue du dos. Boianovitchi.

103. La coupe de la chemise d'homme, ancienne. Kvani.

104 А. La coupe des pantalons d'homme (porty); par deux partie pour chaque jambe: а—„kolocha“, б—„chirinka“. Zimnity.

104 Б. Les „porty“ (les pantalons d'homme) vues de face et du dos. Zimnity.

105. Le bonnet d'homme-blanc—„valionka“. Siemieriovo.

106 А. „Lutchok“ avec une corde pour le foulage de la laine: а—„loutchok“, б—„kobylyki“, в—„strouna“, г—„natiajitch“, д—„tchepiolka“. Potchep.

106 Б. La grille („riechotka“) pour le foulage de la laine: а—„riechotka“, б—„ouporichtche; Potchep.

107. Le dessin „riepié“ sur une ceinture. Klinskióé.

108. Le dessin „poldouga“ o tchetyriokh palzakh“ ou „polouriepie“ sur une ceinture. Riabtchevsk.

109. Le dessin „poprianitchnitsa“—sur la même ceinture. Riabtchevsk.
110 A. Le procédé du tressage de la ceinture au moyen des fourchettes I-ier stade.—le gouvernement de Kalouga.
110 B. Le même procédé II-me stade.
111. La ceinture d'homme „kititzy“. Pienievitchi.
112. La ceinture d'homme avec „kalita“. Podboujié.
113 A. La coupe du „zipoune“ blanc et de „korotik“—vue de face.
113 B. La même coupe vue du dos.
113 B. La même coupe vue des côtés.
114. Tatiiana Arkhipkina et Solomonida Filatova—l'une en „korotik“ l'autre en „bezroukavka“ (vue du dos). Zimnitsy.
115. Deux paysannes: l'une en „bezroukavka“, l'autre en „zapane“ et en „paniova“, vues de face. Ivachkovitchi.
116. Fienia et Olga Popovy: l'une en „bezroukavka“, L'autre en „zapane“. Salyni.
117. La carte du rayon étudié aux sources des rivières Desna et Oka.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Введение	5
Глава I. Рубаха и связанные с ней процессы прядения, ткачества, покроя, вышивания	13
Глава II. Панева: материал, ткань, покррой, типы	31
Глава III. Сарафан	49
Глава IV. Нагрудник: типы и подтипы, названия, покррой	53
Глава V. Передник: названия, покррой, типы и разновидности.	60
Глава VI. Головные уборы: девичьи, женские (типы, их распределение по отдельным селениям, их роль в обряде и в быту)	66
Глава VII. Украшения: нагрудные, спинные, ушные	107
Глава VIII. Обувь: обертки-наголенки, лапти, оборы, сапоги	110
Глава IX. Мужская рубаха, штаны и колпак-валенка	118
Глава X. Пояса: женские и мужские	124
Глава XI. Верхняя одежда: женская и мужская	128
Глава XII. Итоги элементов костюма на обследованной территории	133
Глава XIII. Районы костюма на обследованной территории, устанавливаемые самим населением.	138
Список рисунков	144

SOMMAIRE.

	P. P.
Introduction	148
I. La chemise et joint à elle le procédé de tissage de filage, de coupe et de broderie	149
II. Paniova: l'étoffe, le tissage, la coupe, les types	150
III. La sarafane	152
IV. Le plastron	152
V. Le tablier: surnoms, la coupe, les différentes espèces	153
VI. Les ornements de tête des jeunes filles et des femmes	153
VII. Les ornements de la poitrine, du dos, des oreilles	155
VIII. Les chaussures	155
IX. La chemise d'homme, les pantalons, le bonnet-„valionka“	156
X. La ceinture d'homme et de femme	156
XI. Vêtements qu'on porte pardessus les autres	157
XII. Le total des éléments du costume au rayon exploré	157
XIII. Le territoire exploré divisé en rayons par la population elle même suivant le caractère des costumes	159
Table des figures	160
